

В. Г. Дацышен

Очерки истории
Монголии

в XIX — первой четверти XX вв.

DirectMEDIA

Владимир Дацышен

**Очерки истории Монголии в
XIX – первой четверти XX вв**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 94.517
ББК 63.3(5Мон)

Дацышен В. Г.

Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв /
В. Г. Дацышен — «Директ-Медиа», 2014

Данная монография является результатом многолетних исследований красноярского востоковеда-историка, автора около 350 научных работ по истории различных регионов Азии. В ней собраны и проанализированы как уже опубликованные документы, так и вновь выявленные материалы в различных архивах России, а для обобщения и выводов привлечены исследования отечественных и зарубежных исследователей. В центре работы — проблемы Монголии в системе международных отношений в Центральной и Восточной Азии. Представленные в данной монографии результаты исследований частично уже были введены в научный оборот в различных докладах и статьях, опубликованных в научных сборниках в Иркутске, Барнауле, Москве и Улан-Баторе. Издание адресовано преподавателям вузов, научным сотрудникам, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей Монголии и международных отношений в Азии.

УДК 94.517
ББК 63.3(5Мон)

© Дацышен В. Г., 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Введение	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Дацышен

Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв.

Введение

В XVII—XVIII вв., одновременно с утверждением России в Центральной и Восточной Сибири, монгольские земли в Восточной и Центральной Азии вошли в состав Цинской империи. С этого времени Монголия для России было «воротами» в Китай, монголоведение стало отправной точкой и фундаментом всего русского китаеведения. В Цинской империи именно монголы «отвечали» за связи с Россией. Поскольку значительная часть российских границ приходилась на приграничные с населенными монголами земли, то Монголия оказалась в центре внешней политики России, международных отношений и противоречий.

В середине XIX в., после поражения Цинской империи в Опиумных войнах, международные отношения в Центральной и Восточной Азии вступили в новую эпоху. Переход на принципы «Самоусиления» во внутренней политике Цинского Китая и качественные изменения всей во всей системе русско-китайских отношений с 1860-х гг. оказали большое влияние на развитие Цинской Монголии. Завершающий этап истории Цинского Китая, эпоха «Новой политики» 1901—1911 гг., явился особым периодом в истории монгол. Синьхайская революция 1911—1912 гг. привела к ликвидации Цинской империи и дала начало новому этапу истории монгольских народов и монголо-китайских отношений. Тяжелейший и крайне противоречивый период истории Восточной Азии в годы Китайской Республики и становления Советского государства сопровождался глубинными противоречиями во всей системе международных отношений в регионе.

Данная монография является результатом многолетних исследований автором истории международных отношений в Центральной и Восточной Азии. В ней собраны и проанализированы как уже опубликованные документы, так и вновь выявленные материалы в различных архивах России, а для обобщений и выводов привлечены исследования отечественных и зарубежных исследователей.

Представленные в данной монографии результаты исследований частично уже были введены в научный оборот в различных докладах и статьях, опубликованных в научных сборниках в Иркутске, Москве и Улан-Баторе.

Глава 1

Монголия в составе Цинской империи во второй половине XIX в.

Монгольские кочевья занимали огромные территории в северной части Цинской империи. С севера на юг их земли тянулись от российских границ до Великой Китайской стены, а с запада на восток – Тяньшаня до Хингана. В популярной российской литературе начала XX в. так говорилось о Монголии и монголах: «Точно установленных границ Монголии и Китая нет, так как чем ближе сливаются границы их, тем теснее они сходятся и языком, и характером, и этнографическими видами. Но, выделяя страну, с народностью имеющую общую религию и грамоту, говорящую на одном монгольском наречии, с одной историей в прошлом и объединенную однородной культурой и образом жизни, можно, по заключению некоторых исследователей, пределы прежней вассальной Монголии ограничить горами: с севера Алтаем, Саяном и Кентеем; с востока – Большим Хинганом; юго-востока – Иншанем и юга-востока (вероятно опечатка, надо – «юго-запада» – В.Д.) – цепью продолжения Алтая, так называемым Монгольским Алтаем. На юге, более точно, граница установлена – Великой китайской стеной»².

Российские военные исследователи обычно ограничивали территорию Монголии Улясутайским цзянцзюньством (генерал-губернаторством) и хошунами Внутренней Монголии. В работе полковника генерального штаба А.А. Баторского в составе Монголии указаны следующие территории: Халха, состоявшая из 4 аймаков и 86 хошунов; Внутренняя Монголия, включая Ордос (49 хошунов), состоявшая из 6 «отдельных княжеских сеймов», хошун Алашаньских или Нинься монголов, а также отдельно устроенных 8 чахарских хошунов и кукухотские монголы (тумэты); Кобдинский округ, состоявший из 20 хошунов, объединенных в 2 сейма³. Несколько отличную картину в это время давал военный исследователь З.Л. Матусовский: «1) Северная Монголия, или Халха; 2) Южная, или Внутренняя Монголия; 3) Ниньсянский округ, или Алашаньские монголы; 4) Сининские, или Кук-норские монголы; 5) Кобдоский округ; 6) Илийский округ; 7) Чахарские монголы и 8) Куку-хотоские монголы»⁴. Следует отметить, что оба исследователя не включили в свои списки Барги (Хулуныбуира), входившей в состав провинции Хэйлунцзян.

При описании Монголии, расхождения обычно касались так называемой Внутренней или Южной Монголии. Исследователь Н. Алтанцэцэг указал следующие сеймы и хошуны Внутренней Монголии: 8 Хулуныбу-ирских хошунов; 50 хошунов 6 сеймов (Чжирэмского, Чжосутского, Цзу-Удаского, Слингольского, Улан-цабского и Иэхэ-цзуского); Алашанский элёт и Эзний торгут хошуны Ситаоских монголов; 29 хошунов Хух-энурских монголов; 8 Чахарских хошунов; 2 Тумэтских хошуна Гуйхуачэна⁵.

Говоря о монгольском населении Цинской империи, известный российский исследователь З.Л. Матусовский справедливо отметив, что «смешение монгольских племен составляет необходимый результат тех перекочевков, которые маньчжуры заставляли совершать монголов», показал «деление населения Монголии по племенам»: «А) Первую и главнейшую часть населения составляет монгольское племя, к которому относятся: А) Собственно монголы, занимающие всю Халху, Южную Монголию и Ордос. Б) Урянхай, кочующие по Алтаю от вершин реки Кобдо до вершины реки Булгуна. В) Ойратские поколения, к коим причисляются: дурбэты, живущие на границах Кобдинского округа, около озера Убса; торгоуты, кочующие в Кобдинском округе... а также в Кук-норе, и хойты, обитающие частью в Кобдоском округе, среди дурбэтов и частью в Кук-норе. Г) Байтские поколения, живущие в Кобдоском округе, к востоку от дурбэтов по хребту Тухтүгэн-нуру. Д) Дархатские поколения, занимающие

в Кобдоском округе долину реки Шишкита, в истоках Енисея»⁶. Говоря о племенном составе «собственно монголов», военный исследователь пишет: «если в Халхе теперь уже совершенно утрачены все родовые названия, то они ревниво охраняются в Южной Монголии. Собственно внутренние монголы разделяются на следующие 14 поколений: Хорчин, Чжалаит,

Дурбэт, Хорлос, Харачин, Тумэт, Аохань, Наймань, Баринь, Чжарут, Ару-хорчин, Онют, Кэшиктэн и Хал-ха»⁷. Хорчины составляли большинство населения Чжэримского и Чжосутского сеймов.

Российские востоковеды по поводу населения западно-монгольских земель писали: «Кобдинский округ образуют монгольские и собственно Олетские поколения Дурбэтов и Хойтов... разделяясь, как и все Монголы, на отдельные Хошуны... образуют один Сейм: Сайин-Цзаягату из 16 Хошунов (два хошуна Хойтов и 14 Дурбэтов: 11 Правого Крыла и 3 Левого). Далее, в ведении Кобского же Хэбэй-Амбаня находятся: 1) Аймак Захачинов, 2) Аймак Мингат, 3) Хошун Олетов... Кроме того, в ведении Кобдского Хэбэй-Амбаня находились также: 1) Аймак Новых Торгоутов, 2) Аймак Новых Хошотов, 3) Аймак Алтайских Урянхайцев...»⁸. Русский переселенческий чиновник С.Н. Велецкий писал о монголах Илийского края: «Кочевому населению, по численности принадлежит первое место и его составляют киргизы и калмыки... Калмыки принадлежат к монгольской расе. Они делятся на четыре рода; чахары, кочующие по р. Бороталы; б) торгоуты и в) хошоты, кочующие в долинах обоих Юлдузов и в верховьях Кунгеса и г) олеты, кочующие по р. Текесу и по северному склону хребта Боро-хоро от перевала Нилха до р. Каша. По Текесу же кочуют те 748 юрт калмыков рода Цзурган-суммы, которые в 1866 году искали спасения от таранчей в Верненском и Пржевальском уездах и в 1883 г. возвратились в китайское подданство»⁹.

Российские исследователи говорили о сохранении в Цинской империи аймачного устройства в разных формах. З.Л. Матусовский писал: «Халха в административном и военном управлении подразделяется на четыре корпуса, имеющие четыре отдельные сейма князей и составлявшие в прежние времена столько же аймаков отдельных ханов. Так как маньчжуры, уничтожив в Монголии прерогативы ханской власти, тем не менее, не уничтожили ханского титула... Поэтому-то каждому корпусу и усвоено еще название аймака отдельного хана, а именно А) Первый халхаский корпус (чугулган), называемый Хан-ула, от имени горы (около города Урги), при котором собираются князья этого корпуса... называется еще тушетухановским аймаком... Хан-ульский сейм образуют следующие 20 хошунов или дивизий... В) Второй халхаский корпус называется Керулэн-барс-хотоским... называется еще Цепенхановским аймаком... Этот сейм состоит из следующих 23-х хошунов... С) Третий корпус, называемый Цецерликским. По имени местности, в котором собираются на сейм... носит еще название Соин-ноиновского аймака... 24-х хошунов... Д) Четвертый халхаский корпус носит название Цзакголского, по имени реки... называется еще Цзасакту-хановским аймаком... 19 хошунов»¹⁰. В начале XX в. русские востоковеды писали: «Аймак – старинное монгольское название княжеского удела, группа нескольких княжеств, составляющих наследие одного княжеского рода... С подчинением Монголии ныне царствующей в Китае Маньчжурской династии, значение Аймаков и их правителей пало. В Халхе Аймаки как административная единица, заменены Сеймами, власть Хана – властью Председателя Сейма; в остальной Монголии на принадлежность княжеств к одному Аймаку указывает сохранившаяся одноименность их названий»¹¹. Современные исследователи пишут: «Особое место среди южномонгольских знамен занимали знамена «внутренних подданных» (нэйшу), которые были созданы на территории суйюаньских и чахарских монголов, аймака тумэтов и хулунбуирских монголов. Они были лишены управления наследственного дзасак-нойона и подчинялись напрямую военным представителям Цинской администрации, дутунам и фудутунам знаменных войск... К числу

«внешних вассалов» (вайфань или мэnguфань) относились 49 южномонгольских знамен... маньчжурское правительство объединило их в 6 сеймов или чуулганов (кит. мэн ци)»¹².

Говоря об административном устройстве монгольских территорий на востоке Внутренней Монголии, русский военный исследователь писал: «Административное устройство восточной Монголии в настоящее время выразилось в чрезвычайно сложных формах, в виду совершенно мирного захвата этого края Китаем. Это – страна, аннексия которой давно уже подготовлена экономическим путем, и недостает только одного акта, которым с карты Азии будут вычеркнуты три сейма: Чжасатусский. Чжоудасский и Чжэримский и присоединены будут без каких-либо внутренних осложнений к Маньчжурии»¹³.

Монгольское население в Цинской империи было неоднородным как в этнокультурном, так и в сословно-правовом отношении. Но всех монголов объединяла языковая и религиозная общность, все говорили на диалектах монгольского языка и были буддистами-ламаистами. В сословно-правовом отношении все монголы относились к различным категориям неподатного привилегированного населения империи. Монгольский язык был вторым официальным государственным языком Цинской империи, а глава «монгольской церкви» – тибетский далай-лама, был духовным наставником маньчжурского императора.

По данным российских исследователей, население Внешней и Внутренней Монголии (без Барги) во второй половине XIX в. составляло около 2,5 млн. человек, в том числе более 1,7 млн. чел монголов¹⁴. В российской литературе о численности населения говорилось следующее: «При необычайных границах обширной разнохарактерной страны, народонаселение Монголии чрезвычайно ничтожно. Переписи его не было и наличность не поддается никакой статистике. Но исходя из некоторых соображений и выводов, во всей стране старой Монголии исследователи определили от 1.500.000 до 2.500.000 душ обою пола, а в отпавшей теперь от китайского владычества от 500— 700 тысяч душ... Кроме указанной народности, во всей Монголии живут 400 тыс. китайцев, по статистике Поднебесной империи 1911 года. Причем они, преимущественно занимаясь торговлей, сконцентрированы в 50% около городов и монастырей, а остальные, по большей части хлебопашцы – главным образом по долинам рек»¹⁵.

Монгольские земли входили в различные административно-территориальные образования в Цинской империи, в той части империи, что традиционно называлась «Внешний Китай» (кит. – Вайчэн). Российский исследователь писал: «В административном отношении высшим государственным местом управления Монголией является Ли-фань-юань, или Инородческий Приказ, в Пекине. Учреждение это делится на 6 экспедиций и 7 отделений... Представителями китайской власти в самой Монголии служат два цзянь-цзюня (военные губернаторы); один из них, назначенный собственно для северной Монголии, или Халхи, имеет свое постоянное местопребывание в городе Улясутае; другой, ведению которого подлежит Южная Монголия, вместе с Ордосом и Кук-нором, живет в Гуй-хуа-чэне»¹⁶.

На севере, в приграничных с Сибирью районах, все территории Цинской империи были объединены в единую территориально-административную единицу под властью Улясутайского цзянцзюня (генерал-губернатора). Эта территория, имевшая особое административное устройство и известная как Внешняя Монголия, объединяла Халху и Северо-Западную Монголию. Резиденция цзянцзюня находилась в районе города Улясутай (монг. – Улиастай; кит. – Улиасутай). Описание китайской столицы Внешней Монголии накануне падения Цинской династии дано в донесении русского разведчика: «Китайские власти в Улясутае – Дзянь-Дзюнь и два Амбаня – помощника Дзянь-Дзюня, один из них китаец, другой монгол, квартира их в крепости от города 1½ версты. В городе находится банк, который свои операции производит только с монголами, беря с них 36% годовых. На одном краю города полицейское Управление, у ворот которого висят две большие плети и доски – колодки для заковывания преступников, на другом конце города храм и казарма для солдат, казарма маленькая человек на 10—15, здесь живут

два-три солдата караульщика, здесь стоят две статуи /два человека и два коня/ изображающие каким должен быть кавалерист, может быть по-китайски или по-монгольски эта поза очень хороша и молодцевата, но я в выпученных глазах и длинной одежде не нашел ничего красивого и хорошего, здесь же находятся десятка два ружий... Несколько желтых трехугольных с красными полосками по краям флачком на коротких древках – палочках прикрепленных к некоторым домам указывают, что здесь живет солдат, таких флачков по городу висит штук 10... Улясутайская крепость находится на восток от города, в 1½ верстах от него, это правильный четырехугольник, стены которого сложены из дерна, толщиной у основания 14 шагов, вышиною аршин 6. Снаружи стен заставлены лесом, хотя есть много мест не заставленных; изнутри стены имеют уступ так что в разрезе стена получится такой формы. Ворота в крепости трое, с восточной, южной и западной сторон, с северной нет, над воротами и по углам деревянные башни в которых стоят пушки, говорят, что из пушек можно пугать только воробьев, ворота сделаны из лиственничных плах толщиной вершка два, снаружи обиты жестью и гвоздями, имеющими громадные шляпки, одни наружные в полукруглой стене, другие внутренние в прямой стене, устройство тех и других одинаковое, крепость окружена рвом наполняющимся водою, теперь во рву – ширины вверху 12 шагов, глубины аршина 3, от стен крепости ров проходит на расстоянии 10 саж. Из западных ворот крепости устроена хорошая широкая дорога в город. Помещения для солдат в крепости фанзы деревянные обмазанные глиной, некоторые разваливаются, производят впечатление беспорядочно построенных лачужек, солдат видел в крепости человек 5, два – должно быть часовые караульщика ходят около башен на стенах крепости два-три внутри крепости / один караульщик тюрьмы, другой церкви/, говорят, что в крепости есть училище, где учится около 60 человек, но где это училище я не мог узнать, не видел также учащихся. С восточной стороны в крепости проведена канава с водой. Каждая стена крепости будет длиною 250 саж. Между городом и крепостью течет р. Загастай, через которую устроен хороший деревянный мост, повыше города и коло города берега речки укреплены плотниками – вероятно для того чтоб город не заливало водой»¹⁷.

Улясутайское цзянцзюньство делилось на три округа: на востоке – Кулунь (русск. – Урга, монг. – Их-Хурэ), в центре – Улясутай, на западе – Кобдо (монг. – Ховд). В округах имелись специальные чиновники – баньшидачэнь (амбань), которые были в двойном подчинении – цзянцзюню и правительству в Пекине. Амбани, формально считавшиеся помощниками цзянцзюня, в Урге и в Кобдо во многом были самостоятельны. Следует отметить, что кроме цинских знаменных амбаней в этих городах были и вторые амбани, должности которых занимали представители местной монгольской знати. Русский исследователь, посетивший Ургу в 1899 г., писал, что там давно жил и исполнял должность монгольского амбана Цэцэнхан¹⁸. Британский политик и исследователь М.Ф. Прайс писал, что амбаниями обычно были китайцы (Chinamen), но иногда и монгольские ханы и принцы: «Оба амбаня в Урге, китайский и монгольский, имели специальное назначение – наблюдать за великим духовным сановником Хутухтой-ламой»¹⁹.

В ведении Улясутайского цзянцзюня находился и Урянхайский край (Тува), имевший особый статус в составе Цинской империи. Территория Тувы состояла из 4 хошунов, объединенных под властью местного амбын-нойона. Кроме того, на ее территории был Бэйсэ хошун, принадлежавший Саин-нойоновскому аймаку Халхи и два отдельных сумона, Маады и Чооду, принадлежавшие Цзасакту-хановскому аймаку.

После получения Внешней Монголии автономии в составе Китайской республики, Тува попала под протекторат России.

Самым восточным монгольским районом в Цинской империи был пограничный с Забайкальем Хулуьбуирский округ (Барга), с центром в Хайларе. Большинство населения этого округа составляли монголы-баргуты. Территория округа Хулуьбуир делилась на 17 хошу-

нов по военно-территориальному признаку. Округ входил в состав провинции Хэйлуңцзян с центром Цицикаре. Во главе округа стоял амбань (фуд-утун), назначаемый военным отделом Цицикарского ямыня, обычно из числа маньчжуров. Китайская сторона приравнивала фудутуна к русскому военному губернатору, по российским законоположениям равным фудутуну считался русский пограничный комиссар. Российские исследователи отмечали наличие оборудованной и охраняемой границы между Хулуңбуиrom и Халхой²⁰. Во главе провинции Хэйлуңцзян находился цзянцзюнь, состоявший в двойном подчинении – напрямую Пекину, а также и Фэнтяню (Мукден, Шэнцзин, Шэньян).

Монгольские кочевья занимали значительную часть провинции Синьцзян. Синьцзян вместе с Ганьсу и Шэнси входили в состав генерал-губернаторства с центром в Ланьчжоу, где находилась резиденция цзунду. На границах с Россией имелись два особых округа – Или во главе с цзянцзюнем, и Тарбагатай с хэбэй-амбанем (цаньцзань дачэнь, подчинявшийся Илийскому цзянцзюню). Илийский цзянцзюнь имел резиденцию в Хуйюаньчэне (Курэ), но историческим центром округа была Кульджа. Тарбагатайский амбань имел резиденцию в Дурбульд-жине, но экономическим центром округа был город Чугучак, находившийся в 20 верстах от русского пограничного укрепления Бахты. Цзянцзюнь и хэбэй-амбань в начале XX в. одновременно подчинялись сюньфу (губернатор в Урумчи), цзунду и Пекину. Вообще, формально статус цзянцзюня был выше сюньфу, но реально его власть распространялась лишь на немногочисленное знаменное население Кульджинского края.

О монгольском населении Синьцзяна говорят данные штатной численности войск в провинции в конце

XIX в. Знаменных войск, укомплектованных по большей частью монголоязычными группами, было 15494 чел., а монгольской милиции – 5219 чел.²¹ По данным российского консульства в Кульдже в составе военно-служилого населения (взрослое мужское) Илийского края было 28 тыс. монгол (олеты и чахары)²². По другим данным в Илийском крае к началу XX в. имелось 16 сумонов по 200 юрт чахаров и 20 сумонов «калмыков-элютов»²³.

Русский военный исследователь З.Л. Матусовский писал: «Илийский округ составляют монгольские и собственно Олётские поколения Старых торгоутов и хошутов...», указывая, что олёты образуют собою два сейма – Унэн-суцзукту (9 хошунов) и Бату-сэтхильту (3 хошуна)²⁴. Другой военный исследователь в конце 1880-х гг. указал, что в общем числе населения Табагатайского округа 64 тыс. чел. – 25 тыс. составляли монгольские народы: каракалмыки, чахары, ольша-монголы и торгоуты²⁵.

Говоря о кочующих южнее Тарбагайского круга монголах, исследователь писал: «Часть описываемой ныне Чжунгарской территории (т. е. по южному склону Монгольского Алтая) занимают три племени западных монголов и три племени Халха. О двух племенах западных монголов: о торгоутах... и об Уранга или Урянхайцах, кочующих севернее... уже было сказано выше. Теперь прибавим, что к кочевьям торгоутов к востоку примыкают родственный им хошун Цзахачинов. Сами себя жители этого хошуна называют олетами. Хошун расположен как по северной, так и по южной стороне Монгольского Алтая... Хошун управляется князем гунном... За цзахачинами вдоль Алтая живут в пределах Чжунгарии три хошуна племени Халха, принадлежащие к аймаку Дзасакту-хана, а именно: хошуны энке-дзасык, тачжин-урянхай и мани-дзасык...»²⁶.

Большая часть южно-монгольских земель объединялись под властью Суйюаньского (Суйюаньчэнского) цзянцзюня, имевшего резиденцию в городе Гуйхуа (Гуйхуачэн, монг. – Хух-хото). З.Л. Матусовский отмечал: «тот же порядок управления ведется и в Южной Монголии. При Кук-хотском цзянь-цзюне также точно состоят хэбэй-амбани, жительствующие в городах Калгане, Куку-хото и Синине, а при амбаниях особые управления царгучеев и

чжиса»²⁷. Российские востоковеды писали: «Гуй-хуа-чэнские (Кук-хотоские) Тумэты разделяются на два Хошуна... Кочевья их располагаются к северу от гор. Гуй-хуа-чэн или Куку-хото провинции Шань-си»²⁸.

Город Гуйхуа, лежавший в 590 верстах от Пекина, играл особую роль и в системе монголо-китайских торгово-экономических связей, и в структуре территориально-административной системы пограничной полосы между Внутренним и Внешним Китаем. Кроме административного центра монгольских земель, он еще являлся административным центром китайского приставства (чжилитин) в составе провинции Шаньси. Город имел значительное население, около 200 тыс. человек, был окружен крепостной стеной и имел цитадель с воинским гарнизоном.

Юго-восточные монгольские территории находились в ведении генерал-губернатора столичной провинции Чжили, которую в начале XX в. возглавлял Чжилийский цзунду (генерал-губернатор) Тин Юн. Этому цзунду подчинялись Жэхэский дутун Сэ Лэнъэ, Чахарский (Калганский) дутун Куй Шунь и Чахарский фудутун Куй Фу. Российские востоковеды в начале XX в. писали: «Чахарские Монголы отличаются от остальных монгольских племен тем, что совершенно утратили у себя родовое правление. Кочевья их располагаются по Великой Стене за границами областей Сюань-хуа-фу Чжилийской и Да-тун-фу Шаньсийской провинций. В административном и военном отношении они разделяются на восемь Знамен...»²⁹. Русский военный исследователь В.Ф. Новицкий писал: «Чахарские хошуны управляются не наследственными князьями, а монгольскими чиновниками, назначаемыми Кал-ганским «дутуном» на 6 лет, при этом непременно из чиновников другого хошуна»³⁰.

Говоря о восточной части Внутренней Монголии, следует привести мнение одного русских военных исследователей «В действительности, восточная граница Монголии проходит на юг по бывшей когда то «ивовой изгороди»... граница проходит от г. Цинхэмыня... к г. Факумыню, отсюда граница идет на северо-восток и восток, пересекая реку Ляохэ у Тунцзяна и линию Маньчжурской железной дороги по середине между станциями Кайюань и Чантуфу; далее, граница, имея направление на северо-восток, проходит вдоль линии железной дороги, в 10—15—20 и 25 верстах восточнее ее до р. Сунгари и по этой реке почти до Харбина (Южный и Северный Горлосы)... Чжасатусский сейм расположен в южной части восточной Монголии и граничит на юге с Собственным Китаем, на севере с Чжоудасским и Чжэримским сеймами, на востоке с хошуном Сурук. Сейм состоит из 7 хошунов: 1) Мон-гольчжин-хошигу, 2) Барун-Тумэт-бэйсэин-хошигу, 3) Харчинван-хошигу... 7) Халха-хошигу... Чжэримский сейм, расположенный в северо-восточной части Монголии, занимает огромную площадь, граничащую... с севера – с Хэйлуцзянской провинцией, с востока и юго-востока – с Гиринской и Мукденской провинциями. Сейм составляют следующие 10 хошунов (с юга на север): 1) Бинту-ван... 10) Дурбет»³¹.

Алашаньские монголы на юго-западе были в ведении цзянцзюня Нинся. Город Нинся, расположенный в долине Хуанхэ, между Ордосом и Алашанем, одновременно был административным центром одноименной области провинции Ганьсу. Резиденция одного из амбаней – город Синин, была одновременно административным центром одноименной области в провинции Ганьсу.

Монгольское население Цинской империи до начала XX в. находилось в привилегированном положении по отношению к простому китайскому (ханьскому) населению страны. Значительная часть монгольского населения была включена в состав наиболее привилегированного военно-служилого восьмизнаменного сословия. К знаменному сословию были приписаны все монголы-чахары, отличавшиеся с XVIII в. преданностью маньчжурской династии. Все коренное монгольское население Хулуьбуирского округа состояло в знаменном сословии и составляло 17 хошунов. О бар-гутах русские писали: «Войска Хулуьбуира, или как их принято

называть в виду их свирепости в разговоре – баргутские войска, до последнего времени считались наилучшими из провинциальных войск Китая... Выдающиеся боевые качества хулунбуирские войска приобрели благодаря постоянному пребыванию под знаменами и участию в ежегодных общих смотрах в

Хайларе, где они тренировались... они существовали далеко не номинально, не на бумаге, как это целыми столетиями наблюдалось в провинциях Китая, в Монголии и в особенности в Халхе...»³².

В Синьцзяне, кроме переселенных туда чахар, в состав восьмизнаменного сословия были включены олёты или кара-калмыки. Восьмизнаменное население и армия делилось на 24 корпуса, по 3 (маньчжурский, монгольский и китайский) в каждом из 8 знамен. В конце XIX в. в монгольских частях цинской гвардии на действительной службе было около 20 тыс. человек³³. Восьмизнаменные монголы несли службу в Маньчжурии, в Халхе и Кобдо, в Синьцзяне, а также в крупных городах почти всех провинций Внутреннего Китая, включая Пекин.

Не включенные в состав восьмизнаменных войск монголы, в том числе халха, так же находились на особом положении, имея самоуправление, отдельную систему гражданской и военной службы, особую судебную-правовую и налоговую системы. Современные исследователи пишут: «все мужское население Халхи, кроме лам, в возрасте от 18 до 60 лет считалось не только военнообязанным, но и находящимся на военной службе. Монголия, разделенная по военнотерриториальному признаку на аймаки, включала в себя более мелкие войсковые соединения – хошуны, объединявших несколько полков, каждый из которых состоял из пяти-шести сомонов – пятнадцать десятков конников...

В мирное время... хошунские военные формирования выполняли полицейские функции и лишь частично были вооружены стрелковым оружием. Полноценными же воинами являлись маньчжурские части...»³⁴.

Монголы в Цинской империи несли службу на границе с Россией. В Монголии на границе с Россией имелись постоянные посты и караулы, в которых проходили службу монголы из ближайших хошунов, по 3—6 месяцев. Кроме караулов, где монголы несли службу определенный срок (мори-харул), были караулы, где солдаты жили постоянно, с семьями (гэрь-харул).

Исследователь А.А. Баторский в 1889 г. перечислил 31 китайский (монгольский) пограничный караул на линии от Абагайту до Шабинь-дабага³⁵. Он указал на 10 караулов между Кяхтой и Шабинь-дабага, но позднее отмечалось, что только вдоль южного хребта Танну-Ола от оз. Косогол (Хубсугул) до оз. Убса имелось 16 пограничных караулов, на которых находилось в 1900 г. 370 монголов и 3 китайца. Численность наиболее важных караулов достигала 30 человек, командовал пограничной линией цинский офицер, находившийся на карауле Дзин-зилик.

На разных участках границы система наблюдения и охраны была различной. На одних участках в обязанности монгол входило ежегодное посещение линии границы, обычно под руководством маньчжурских чиновников. В качестве примера можно привести участок на стыке Саяна и Алтая, от перевала Богосук до знака Шабин-дабага. В документе под названием «Разменный лист выданный Великого Дайцинского государства от командированных Улясутайскими Цзян-цзюнем и Хэбэй Амбанями, для осмотра пограничных знаков: письмоводителя Силингэ и двух поручиков Куй-юй и Гэнгэ-нэнь» за 1898 г. говорится: «Ныне во исполнение поручений сего года пятой луны двадцать второго числа (июня двадцать восьмого) мы прибыли на место Даоланьтологай и встретились там с командированным русским чиновником Владимиром Архиповым, откуда к северу от хребта Богосук, до хребта Шабин дабага, нами были по порядку осмотрены пограничные знаки. По осмотру, никаких повреждений не оказалось и недоразумений между обоими государствами также не было, а потому обе стороны обменялись составленными протоколами»³⁶. Далее, на восток, имелась сплошная линия постоянных кара-

улов, но по границе, отделявшей собственно Монголию от Танну-Тува Урянхай. Из Усинского пограничного округа в начале XX в. сообщали: «Зиму караулы по хребту Таннуола просто-яли на старых местах. Состав караулов: Начальник /Тузлакчи/ из военных, при нем 30 простых монгол, не обученных военному делу; вооружение было – фитильные гладкоствольные ружья... караулы были в распоряжении Улясутайского Дзян Дзюня/ На некоторых караулах за начальника не военный и не обученный военному делу монгол с содержанием в половину получаемого Тузулакжином и титулуется уж «Тай-чи»³⁷. Линия монгольских пограничных караулов отделяла также Халху от Хулуьбуира. К началу XX в. монгольское ополчение не было сколько-нибудь значительной силой, которую цинская власть могла бы использовать для решения своих внутри и внешне политических задач. Монгольские караулы выполняли задачи охраны и защиты интересов собственных этно-племенных групп, а не государства в целом.

Пекин для поддержания своей власти во Внешней Монголии и демонстрации силы перед соседней Россией содержал в Улясутае, Кобдо и Урге небольшие цинские гарнизоны. Правда, численность регулярных войск в Монголии была незначительной, восьмизнаменный гарнизон в Кобдо, например, к концу XIX в. был менее трехсот человек офицеров и солдат. В других городах численность регулярных войск была еще меньше.

Таким образом. Монголия в составе Цинской империи имела сложное территориально-административное устройство, в котором сочетались феодально-родовые и государственно-бюрократические институты. Монгольское население Цинской империи отличалось этно-племенным и культурным разнообразием, усиливаемым делением по военно-сословному принципу. При этом, сохранилось определенное этнокультурное и государственно-административное единство всех монгольских земель, в основе которого была языковая, религиозная, хозяйственно-экономическая и культурно-историческая общность всех монголоязычных народов Цинской империи.

Глава 2

Чахар-монголы в истории Цинской империи

Различные монгольские народы в составе империи имели не одинаковый политико-правовой статус, различалось их место в общеимперской системе, по-разному шли процессы социально-экономического, административно-политического и культурного развития. Особое место в политической и социально-экономической системе Цинской империи занимали чахар-монголы. Монгольское этнополитическое образование Чахар (Цахар, 察哈爾) было активным участником событий рождения Цинской империи. Именно правитель Чахарского ханства Лигдан, будучи старшим из потомков монгольской династии Юань и наследником последнего всемонгольского хана Даяна, был конкурентом лидеру этнополитического образования маньчжуров в деле создания новой империи на Дальнем Востоке. В 1636 г. большинство князей Южной Монголии признали Абахая богдо-ханом (великим ханом), сын Лигдан-хана получил от Абахая титул цинь-ван (князь 1-й степени, титул, следующий сразу на ханом, обычно давался сыновьям или братьям императора) и его дочь в жены. В 1640-х гг. наследники Лигдан-хана вновь вступили в борьбу против цинь-ванов, но, в конечном итоге, потерпели поражение и были уничтожены маньчжурами с частью чахар-монгольского народа. Однако с включением монгольских земель в состав маньчжурской империи, этнополитическое образование Чахар не исчезло, а сохранилось на протяжении всей истории Цинского Китая, и даже пережило саму империю.

На начальном этапе истории Цинской империи, состав чахар-монголов в этнокультурном отношении претерпел серьезные изменения за счет значительных подвижек населения, принудительно проведенных имперской властью. На основании монгольских летописей об этом, в частности, писал А. Позднеев: «в Халхе снова начались последовательные восстания урянхаев, плененных маньчжурами и халхасами в период войн с олетами. Первый пример таких восстаний подал цзай-сан Лубсан-шараб (по происхождению урянхаец), который... в последнем году правления Канси был переселен маньчжурами из урочища Хан улы в чахарские кочевья»³⁸. А в XVIII в. значительная часть чахар-монголов была переселена в предгорья Джунгарского Алатау на северо-западе Синьцзяна, обретя там новую родину. С этого времени на территории Китайской империи сложилось два района развития этнокультурной и этнополитической группы чахар-монголов – собственно чахары и так называемые чахар-калмыки.

Чахар-монголы, вошедшие в состав маньчжурского государства еще до оформления Цинского Китая, в 1635 г. были включены в состав восьмизнаменного сословия, составив значительную часть монгольских корпусов Цинской гвардии. Административным центром управления чахарских военных знамен был город Калган (Чжанцзякоу), где имелась резиденция дутуна. Рядом с городом располагался военный поселок для восьмизнаменных, три огороженных стенами военных лагеря. Таким образом, в Цинской империи была учреждена отдельная военная административно-территориальная единица – Чахарское дутунство.

Территория отдельного монгольского аймака Чахар включала значительные территории, с севера прилегающие к Великой Китайской стене в районе Пекина. Все чахарское население было объединено в восемь сумонов во главе с цзасаками, напрямую подчинявшимися дутуну. Все чахар-монголы были отнесены к военно-служилой категории, получали содержание от правительства, обязаны нести военную или иную службу. Особое место чахар-монголов в системе военно-политической организации Цинской империи подтверждается особым статусом их округа, существовавшим вне института цзянцзюней, а также и тем фактом, что должности чахарских дутунов часто занимали «желтознаменные» маньчжуры³⁹.

Выдающийся русский исследователь З.Л. Матусовский писал во второй половине XIX в.: «Чахарские монголы различаются от всех выше исчисленных монгольских племен тем,

что в настоящее время они уже совершенно утратили у себя родовое управление. Кочевья чахаров располагаются по великой стене за границами областей Сюань-хуа-фу и Да-тун-фу. В административном и военном отношении чахары разделяются на 8 знамен, в свою очередь подразделяющихся на два крыла – западное и восточное. Казенные земли, находящиеся в пределах чахарских кочевьев, а равно дела по торговым сношениям чахаров с китайцами и дела тяжёлые и уголовные сосредоточены у управлениях (тин) четырех знамен, а также в дистанциях (тин), находящихся в укреплениях Ду-ши-коу, Чжан-цзя-коу (Калган), Фын-чжень-тине и Нин-юань-тине. Собственно знаменные дела в чахарском ведомстве решаются Ду-тунами, назначаемыми китайским правительством, а главное управление чахарами принадлежит в Лифань-юане департаменту Дань-шу-сы»⁴⁰.

В XVIII в. чахар-монголы были разделены цинскими властями. Переселенные в Джунгарию, или, как тогда назывался этот район, Тяньшань бэй лу (Область к северу от Тяньшаня) чахар-монголы были переданы под власть Илийского цзянцзюня. Часть чахарской конницы вместе с тунгусо-маньчжурскими частями сразу же была размещена в Илийской долине.

Непосредственное руководство чахарским населением⁴¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.